

УДК 821.162.4

Широкова Л. Ф.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.01

Словацкий «Нарцисс» с хорватскими корнями. Писатель Рудольф Слобода

Широкова Людмила Федоровна
Кандидат филологических наук
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование

Широкова Л. Ф. Словацкий «Нарцисс» с хорватскими корнями. Писатель Рудольф Слобода // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 260–274. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.01

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Рудольф Слобода — один из ярких и самобытных писателей поколения словацких «шестидесятников». Родился и большую часть жизни прожил в селе Девинска Нова Вес близ Братиславы с преимущественно хорватским населением. Слобода — автор десятков произведений, в числе которых романы, повести, рассказы, эссе, стихи, пьесы, киносценарии. В своем творчестве он основывался на оригинальном «эгоцентричном» видении действительности и исповедально-монологическом типе повествования. Тематами его во многом автобиографической прозы и драматургии были сложные, часто болезненные отношения между людьми, кризисные состояния личности — все, с чем он сталкивался в собственной жизни. Основное пространство книг Слободы — родное село, с его константами и неизбежной трансформацией. Романы писателя, прежде всего — «Нарцисс» (1965), «Разум» (1982) и «Кровь» (1991), отражают важнейшие этапы жизни и душевных метаний автора и его героя: раннюю молодость с ее вхождением в чуждую социальную среду и первыми эротическими опытами; зрелость с семейными проблемами и неудачами, психологическим кризисом; близящуюся старость с угасанием чувств и желаний, с внутренней пустотой. Универсальное звучание «частных» высказываний о экзистенциальных проблемах человека, художественная убедитель-

ность, оригинальность и узнаваемость стилистики — все это делает произведения Рудольфа Слободы частью золотого фонда современной словацкой литературы.

Ключевые слова

Словацкая литература, роман, автобиографизм, герой-повествователь.

Рудольф Слобода — один из ярких и самобытных писателей, принадлежавший к поколению словацких «шестидесятников». Он родился и большую часть жизни прожил в селе Девинска Нова Вес близ Братиславы с преимущественно хорватским населением.

Хорваты пришли на территорию современной Словакии в середине XVI в. Сейчас они относительно компактно проживают в пригородах, ставших частью столицы Братиславы (Девинска Нова Вес, Чуново, Яровце) и в селе Хорватский Гроб. Культурным центром является Девинска Нова Вес, где работает Музей культуры хорватов в Словакии.

Друг и земляк Слободы, писатель Душан Тарагел отмечал: «Девинска Нова Вес богата на литературные таланты, но только у одного из писателей есть здесь собственная площадь с памятником, и это Рудольф Слобода. Самобытная личность, для местных жителей он был чудачком, а для словацких читателей — одним из крупнейших словацких писателей». О хорватских корнях семьи, вспоминая отца, говорила дочь Слободы, Эва: «В период, когда отец писал “Разум”, здесь было меньше жителей, почти все друг друга знали, и многих связывали семейные узы. На памятниках местного кладбища часто повторяются фамилии наших предков, имена старых родов, живших здесь с 1541 г., когда они прибыли сюда из Истрии. В годы, описанные в романе, большинство людей в Девинской Новой Веси имели хорватские корни, многие говорили по-хорватски, но сейчас уже все перемешалось»¹.

Сам Слобода упоминает об этом, хоть и вскользь, в некоторых своих произведениях. В дебютной книге «Нарцисс» (1965) он так описывает родные места: «Деревня лежит на северном склоне девинского холма Кобылы, ее историческая часть зовется Словинец. Здесь говорят на хорватском екавском наречии <...>, разные части деревни называют-

¹ *Jaslovský M.* Devinská Nová Ves Rudolfa Slobodu // SME Kultúra. 07.08.2010. URL: <https://kultura.sme.sk/c/5496309/devinska-nova-ves-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

ся Равница, Ковачички, Грба...»², а герой напевает на ходу хорватскую песню на языке своего детства. В романе «Разум» (1982) автор называет район, где жили его герои, «по-хорватски, Gmájna»³. Такого же рода вкрапления есть и в романе «Кровь», и в других текстах Слободы.

Свои произведения он создавал на протяжении почти сорока лет, сохраняя при этом почти неизменными главные творческие принципы — оригинальное «эгоцентричное» видение действительности, исповедально-монологическую манеру повествования, характер центрального героя — рефлекслирующего интеллектуала, пытающегося преодолеть свои комплексы. Материалом для его прозы и драматургии неизменно были сложные, часто болезненные отношения между людьми, семейные драмы — все, с чем он непосредственно сталкивался в собственной жизни. А пространство, в котором он располагал своих героев, — это все то же родное село Девинска Нова Вес.

Слобода — автор более двух десятков книг, в числе которых 12 романов («Нарцисс», 1965; «Бритва», 1967; «Серые розы», 1969; «Романетто Дон Жуан», 1971; «Музыка», 1977; «Верность», 1979; «Другой человек», 1981; «Разум», 1982; «Уршуля», 1987; «Рубато», 1990; «Кровь», 1991; «Осень», 1994), 6 сборников рассказов («Редкий случай», 1968; «Глубокий мир», 1976; «Дни радости», 1982; «Потерянный рай», 1983; «Мужской кутеж», 1986; «Бегство из родного села», 1992), стихотворный сборник («Вечерний вопрос птице», 1977), ряд эссе. Обращался Р. Слобода и к драматургии; правда, из нескольких написанных им киносценариев было экранизировано лишь два («Милосердное время», 1975, и «Супружество Карлы», 1988), но пьесы о женских характерах и судьбах «Армагеддон на Грбе» (1993) и «Мачеха» (1995), поставленные в братиславском театре «Асторка Корзо '90», пользовались заслуженным зрительским успехом.

Первая книга Рудольфа Слободы выделялась даже на фоне оригинальных дебютных произведений молодых словацких прозаиков «Поколения 60-х», в числе которых были Ян Йоганидес, Винцент Шикила, Петер Ярош, Павел Виликовский и др. Если другие начинающие писатели отдавали предпочтение малым формам, то книжным дебютом Слободы стал роман. Этот жанр позволил автору показать свои задатки тонкого психолога и беспощадного к своему герою наблюдателя его умственных и душевных метаний. Центральный персонаж, Урбан Хромы, — молодой интеллигент, который пытается сам выстроить свою судьбу, упорно сопротивляясь общему течению. Урбан — своего

2 *Sloboda R. Narcis. Bratislava, 1965. S. 48.*

3 *Sloboda R. Rozum. Bratislava, 1982. S. 156.*

рода лирический герой, первый в ряду близких к автобиографическим персонажей, продолживший под другими именами и в других обстоятельствах свое существование в дальнейшем творчестве Слободы. Создавая индивидуальный и, вместе с тем, обобщенный образ, автор наделил его и фактами собственной биографии, и своими внутренними душевными качествами: склонностью к самоанализу, философствованию, раздвоенностью духовного и телесного, депрессивностью. Герой также нередко погружен в раздумья о бессмысленности существования и о самоубийстве как осознанном выборе.

В романе «Нарцисс», как и в целом в творчестве Слободы, фабула имеет второстепенное значение. Действие сводится к простым, обыденным событиям в жизни героя, которые можно изложить весьма кратко. Главное же содержание произведения составляет фиксация мыслей героя, потока его сознания, его снов, видений, споров с самой собой, экзистенциальных переживаний.

При этом автор в разной степени отстраняется от своего героя: повествование ведется то от 3-го лица («Урбан подумал...»), то от 2-го лица («Ты подумал...»), то от 1-го лица («Я подумал...»). Наряду с главами, полностью посвященными философским размышлениям героя, его нравственным исканиям и видениям, мыслям о морали и грехе, в повести есть и квазифабульные части описательного характера, где излагаются, например, подробности производственного процесса на участках, где трудится Урбан в качестве временного разнорабочего, описывается быт заводских общежитий и промышленный пейзаж города. Здесь представлены и типы «настоящих» (в отличие от Урбана) рабочих, их своеобразные касты и категории престижности: «Жвак не знал устали, сам был сильный и считал, что каждый должен быть таким же. Руки у него были одна сплошная мозоль. Для него было важно, что работа его в сварочном цеху — самая тяжелая из всех»⁴.

Роман «Нарцисс» имеет четкую композицию: он состоит из цельных по структуре глав с названиями, метафорически выражающими их содержание.

В первой главе («Жаркий августовский день воспоминаний») повествователь представляет «нашего героя», недоучившегося студента-философа, в начале его пути к новой, трудовой жизни, которая, как он надеялся, обретет для него смысл и избавит от пустого прозябания, учебной дисциплины и необходимости «занимать какую-то позицию»⁵.

4 *Sloboda R. Narcis*. Bratislava, 1965. S. 77.

5 *Ibid.* S. 206.

В главе «Попытка смерти души» лицо повествования сменяется на 2-е, авторская интонация становится более доверительной, а речь передает не столько действия, сколько сознание героя, часто переходя в его развернутую несобственно-прямую речь: «Ты ясно видишь перед собой круг людей, которым мог бы обо всем поведать, и в то же время сознаешь, что люди эти тебе не нравятся, тебя угнетает мелочность их интересов»⁶; «Ты задумался над обещаниями, которые сам себе дал. Они показались тебе излишне пафосными и пустыми, на деле ты ни к чему не стремился, все тебя устраивало. Но тут же мелькнула мысль — а не пойти ли другим путем? И ты решил подать заявление на теологический факультет»⁷. В этом потоке сознания героя нагнетается ощущение его неудовлетворенности и одиночества, подавленности от любовных неудач, неуверенности в собственных устремлениях и идеалах.

Потребность уединения горожанин Урбан реализует в «бегстве на природу», где он находит забвение и душевный покой: «Ты заглушал дурные мысли, блуждая по лесам»⁸; «После смены я уходил спать в лесные овраги»⁹. Природа порой говорит с ним, питает его силы: «Хвойный шелест леса советовал мне: сядь и поспи, не уходи, отдохни, не мучайся, спи, ведь мой шум — для тебя»¹⁰.

Переживаемый нравственный кризис, физическая и душевная усталость вызывают у Урбана чувство отращения к окружающим, недовольства вновь возникающей, навязанной извне шаблонностью своей жизни: «Мне отвратительна эта дисциплина, массовые выходы на работу, автоматические приветствия, пуск станков — все эти надоевшие стереотипы будней»¹¹. Урбан, индивидуалист по натуре, не находит себе места в обществе, оно, как ему представляется, чуждо и даже враждебно ему: «Я не чувствую себя членом общества, но постоянно ощущаю на себе его пристальный взгляд»¹². В нем снова назревает бунт, и в последней главе «Возвращение» повествователь намечает разные варианты его возможного выхода из тупика.

В финале герой приходит к решению вернуться домой, в пригород Братиславы, и жалеет о потерянном времени: «Урбану жаль, что он не

6 Ibid. S. 134.

7 Ibid. S. 145.

8 Ibid. S. 150.

9 Ibid. S. 191.

10 Ibid. S. 242.

11 Ibid. S. 206.

12 Ibid. S. 207.

жил, как живут другие в его возрасте, от многого отстал, никогда не летал на самолете, не был на море, за границей, что он утратил лучшие воспоминания, отвагу, готовность к риску»¹³. Опору он находит в родном доме, в памяти о предках: «В нем растет что-то светлое: это сознание, что он похож на своего деда, о котором ему когда-то рассказывали. Наверно, это нормально — задумываться о предках, о крови?»¹⁴. Единственным и естественным выходом для него становится возвращение к корням, на свою землю, пусть и с осознанием того, что «годы, прожитые вне дома, были потеряны им понапрасну»¹⁵.

В книгах Р. Слободы, написанных в зрелый период его творчества, прежде всего — в наиболее аутентично передающих его внутренний мир романах «Разум» и «Кровь», вновь встают прежние и возникают новые темы, новые драматические «ситуации инициации»¹⁶ и проблемы, с которыми сталкивается повзрослевший герой, остающийся, по сути, тем же alter ego автора.

В творчестве Слободы бесспорную роль имеет автобиографизм как художественная основа его произведений. Это качество можно рассматривать в двух аспектах: с одной стороны, писатель воспроизводит опыт собственной биографии, своего происхождения и окружения, жизненные реалии, «не боится быть искренним и аутентичным»¹⁷. С другой стороны, он перерабатывает опыт своих внутренних переживаний, саморефлексии, размышлений о важных для него событиях в прошлом и настоящем, возвращается на новом уровне к прежним, повторяющимся мыслям и мотивам. В эссе «Совершенный роман» он говорит о герое произведения как о своем внутреннем собеседнике: «Автор ищет главного героя, с которым будет его “я”, авторский субъект, вести тот самый скрытый диалог, который я считаю признаком настоящего романа»¹⁸; «Диалог автора со своими героями — это и диалог с предыдущими романами, и диалог со своим вторым “я”, это отражение авторского роста, его реакций на импульсы общества»¹⁹.

13 Ibid. S. 296.

14 Ibid. S. 295.

15 Ibid. S. 296.

16 *Prušková Z.* Rudolf Sloboda. Bratislava, 2001. S. 30.

17 *Kopcsay M.* Rudolf Sloboda sa nebál byť úprimný // Literárne noviny. 19.04.2018. URL: <https://literarnenoviny.sk/clanky/rudolf-sloboda-sa-nebal-byt-uprimny/> (дата обращения: 10.08.2021).

18 *Sloboda R.* Listy a eseje. Bratislava, 2004. S. 21.

19 Ibid. S. 28.

А в другом месте настаивает на своей фактической тождественности с героем романа «Разум»: «Я был бы гениальным автором, если бы смог подняться над чужой семьей и всего лишь фиксировать происходящее. Но этот герой — я сам»²⁰.

Еще в процессе создания романа «Разум» Р. Слобода сравнивал его по значимости и трудности написания с «Нарциссом»: «Думаю, что такую же славу, как “Нарцисс”, будет иметь и “Разум”. Не потому, что материалом для обоих стала сама жизнь <...>, а потому, что материал этот — тяжелый, сопротивляющийся изображению и отражению»²¹. По свидетельству Д. Тарагела, «Слобода перестал делать записи в своем дневнике и вместо этого начал писать роман о своей жизни»²².

Место действия в романе — родина Слободы, Девинска Нова Вес, ставшая ко времени действия, рубежу 1970–1980-х гг., частью Братиславы с типовыми новостройками и массой чужаков-новоселов. В первой же фразе герой говорит о глубокой привязанности к земле детства: «Когда заходит солнце и дует ветер <...>, где бы я ни был, я вспоминаю свое родное село. <...> Первая звезда вызывала у людей метафизические настроения. <...> За холмом, Кобылой — там я живу»²³. Однако тон дальнейшему повествованию задает картина унылой осенней погоды и мрачное настроение героя, возвращающегося из больницы, «где было так уютно, тепло и хорошо», через город, «сырой, холодный, полный злых, праздношатающихся людей»²⁴, в свою холодную хибарку на краю «растянувшегося в разные стороны грязного поселка»²⁵.

Повествование в романе ведется от первого лица; автор говорит как бы «от себя» и «о себе», с автобиографическими подробностями, приводя имена и описывая обстоятельства своей жизни. Герой-повествователь рассказывает о сложных отношениях в семье, ссорах с психически больной женой, с матерью-алкоголичкой и с дочерью-подростком, вспоминает о недавно умершем отце и о его жизни, признается в своих слабостях и промахах, в приступах ненависти к окружающим. Он сталкивается с неизбежными трудностями интел-

20 Ibid. S. 88.

21 Prušková Z. Rudolf Sloboda. Bratislava, 2001. S. 119.

22 Taragel D. Ako vzniká hit // SME Kultúra. 01.03.2012. URL: <https://kultura.sme.sk/c/6277641/ako-vznika-hit-rozum-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

23 Sloboda R. Rozum. Bratislava, 1982. S. 7.

24 Ibid. S. 7.

25 Ibid. S. 8.

лектуала-интроверта, усугубившимися в «среднем возрасте», который пришелся к тому же на застойные годы «нормализации». Его не удовлетворяет шаблонная работа в учреждении культуры, где приходится сочинять типовые киносценарии, ранит отчуждение и равнодушие коллег-сослуживцев, неудачей заканчиваются его эротические увлечения, столкнувшись с пресловутым «разумом» героя, а по сути — его чувством долга по отношению к семье, неуверенностью в себе и обостренной самоиронией.

Подробно описываются его серые будни, мелкие дела по хозяйству, воспроизводятся пустые бессодержательные диалоги: «Дочь показала мне <...> Мать заметила, что я <...> Я сказал ей, что она <...> Дочь упрекнула меня в том, что <...> Я допустил, что <...> Мать спросила меня...»²⁶ и проч. Сюжет развивается неспешно, события фиксируются день за днем, шаг за шагом. Черета монотонных описаний и реплик прерывается, лишь когда герой погружается в свои раздумья, и повествование принимает форму внутреннего монолога.

Внешние события становятся фоном и побудителем развернутых рефлексий героя-повествователя, главное содержание которых — тоска по отцу и чувство вины перед ним, смысл собственной жизни и невозможность изменить ее и, как следствие, навязчивые мысли о самоубийстве. Герой чувствует себя неприкаянным и ненужным, формальная работа «на заказ» его угнетает: «Что я могу дать обществу? Все, что я делаю — это фальшивые, лукавые советы о том, как следует жить, все это ложь, начисто лишенная любви. Я — лишний человек»²⁷. С сарказмом он говорит и о ложных позитивных идеалах, навязываемых обществу, защищая тем самым свое право на пессимизм: «В журнальных статьях преобладает так называемый оптимизм. Без всякой оглядки на человеческую душу, которая может испытывать порой печаль или ностальгию, там призывают сохранять какую-то вечную вымученную улыбку, веселье и бодрость духа»²⁸.

В то же время герой-повествователь на протяжении всего романа обдумывает текст очередного киносценария — сатирической комедии «Дон Жуан из Жабокреков»²⁹. Изначальная схема (увлечение стареющего ловеласа юной девушкой и конфузная развязка после ряда

26 Ibid. S. 81–82.

27 Ibid. S. 243.

28 Ibid. S. 62.

29 В библиографии произведений Р. Слободы указан киносценарий с тем же названием, написанный им в 1982 г.

комических положений) постоянно меняется, сценарий постепенно вбирает в себя собственные впечатления автора: знакомство с безымянной «милой девушкой» во время лечения в санатории, общение с приятелем Яном Годжей и его роковой красавицей-женой Уршулей. Но авантюрно-любовная линия становится все более нелепой, и разочарованный автор пытается нащупать истинный характер центрального персонажа, исходя из собственного мироощущения: «Мы ведь так и не представили нашего героя? Нужно же знать, кто он и что он. И к тому же в фильме должны быть женщины, соблазнение, любовь?! Но почему любовь? Сделаю фильм о ненависти, о человеке, который всех ненавидит»³⁰.

С середины повествования в размеренный ход романа вмешивается драматическая сюжетная линия внешне благополучной семьи Яна и Уршули: жена в порыве ревности убивает мужа и пытается скрыть это, имитируя его поиски. В сюжете романа переплетаются, таким образом, три линии: это повседневная реальность автобиографического героя-повествователя и две вымышленные — романских персонажей Яна Годжи и Уршули и киносценария о словацком Дон Жуане с постоянно меняющимся содержанием.

Работа без творческого вдохновения, бытовые и семейные трудности, внутреннее одиночество — все это выматывает героя, усугубляя его и без того депрессивное состояние. Он все чаще задумывается о самоубийстве, приводя при этом доводы и эмоциональные, и рациональные, идущие от его «разума», иногда споря с самим собой: «Я боюсь думать о будущем. Человечеству я уже ничем не помогу, пора уже сдать. Зачем жить только по обязанности? Но вешаться не буду, дочери было бы за меня стыдно»³¹; «Кому я еще нужен? Отсутствие друзей, бесед, откровенности — все это невыносимо. Наверно, действительно пора повеситься <...> Этот страшный холод, которым веет на меня от всех них, заставляет думать о самоубийстве»³²; «Самоубийство нельзя объяснить страхом перед будущим или болью, это попытка избавиться от невыносимого сознания пустоты»³³. Герой-рассказчик, как и его автор, не предпринимает в этот раз попытки свести счеты с жизнью, но в финале говорит об этом как о свершившемся факте: «Мое

30 *Sloboda R. Rozum*. Bratislava, 1982. S. 93.

31 *Ibid.* S. 231.

32 *Ibid.* S. 247.

33 *Ibid.* S. 260.

состояние — это не скепсис, не злость, не отчаяние. Это просто смерть. Я — мертвая душа, хуже всех преступников мира <...> Я — мертвый человек»³⁴.

Роман «Кровь» (1991) — третий из ряда произведений Р. Слободы с ярко выраженной автобиографической основой. Это роман-исповедь, пронизанный самоиронией и рефлексией по поводу самых ярких впечатлений, а главное — разного рода травм, полученных автором и, соответственно, его героем на протяжении всей жизни. Композиция построена на чередовании небольших глав с названиями, которые задают тему последующим размышлениям центрального персонажа, идентичного автору, но отстраненно представляемого повествователем от 3-го лица как «хозяин» (или «подросток», если идет речь о юности «хозяина»). Слобода и здесь постоянно возвращается к фактам собственной биографии как к наглядным примерам, иллюстрирующим его рассуждения; в разном контексте он вспоминает впечатления сельского детства, разлад в родительской семье, учебу в гимназии и уход из университета, службу в армии, опыт тяжелого физического труда в чуждой для него социальной среде, высказывает свое отношение к политическим событиям, происходившим на его глазах. Нить, которая соединяет эти эпизоды, — сегодняшняя повседневная жизнь хозяина, хроника его быта, повседневных дел по хозяйству, сопровождаемая его часто ироническими размышлениями на моральные, социальные, политические темы современности. И если эпизоды воспоминаний представлены в тексте вне хронологической последовательности, то канва актуального времени повествования ориентирована на смену времен года, чередование астрономических фаз солнцестояний и равноденствий, сезонных работ хозяина в саду и проч.

В нескольких главах повествователь касается темы детства и детских травм, связанных с тяжелым характером отца, уходом из семьи матери и ее последующими замужествами (повторяющийся мотив произведений Слободы): «До самых зрелых лет хозяин не мог простить всего этого своим родителям»³⁵. Учеба же давалась ему легко, он увлекся русской литературой: «Его хвалили, поскольку подросток был начитанным, и подвижное ударение в русском языке для него, хорвата, не представляло трудности»³⁶.

34 Ibid. S. 261.

35 *Sloboda R.* Krv. Bratislava, 1991. S. 8.

36 Ibid. S. 10.

Травмой ранней молодости стали для него несколько лет работы на шахтах и заводах Моравии, куда он отправился, уйдя из университета (этот период описан в романе «Нарцисс»). Иллюзиям о самоутверждении среди простого народа не суждено было сбыться: «То, что он там пережил, до сегодняшнего дня остается одним из его страшных кошмаров. С одной стороны, тяжелая работа, а с другой — весь тот сброд, который наехал в Оставу из всей республики. <...> Душа студента съежилась, истончилась, свернулась в абсолютную точку»³⁷.

В главе «Осведомитель» идет речь о травмировавшем автобиографического героя события уже зрелых лет, когда в разгар политической «нормализации» его пытались привлечь к сотрудничеству с госбезопасностью, поручив следить за настроениями коллег-литераторов. После «собеседования» ему пришлось подписать обязательство о неразглашении: «Это был не протокол о поступлении на службу в органы, а только документ о том, что допрашиваемый не будет о состоявшемся разговоре никому сообщать <...>, но, выйдя на улицу, он понял, что стал доносчиком»³⁸. Эта тема продолжается и в следующей главе, приобретая характер глубокой психической травмы: «С той минуты, когда он был вынужден думать о том, что придется отчитываться перед гэбистами, он ни с кем не мог говорить по душам, никем не интересовался, чувствовал себя конченным предателем и даже не смел надеяться с кем-нибудь подружиться. <...> Поэтому хозяин был человеком убитым, и таковым чувствовал себя еще долгие годы <...> Он не был уверен, что даже Бог смог бы простить такое преступление»³⁹.

Поиски веры, размышления о Боге и грехе — один из главных мотивов книги, к нему повествователь возвращается в нескольких главах. Ощущение своего быстрого старения он связывает с безуспешностью этих поисков: «Его измучило упорное искание невидимого Бога, затерянного среди текстов <...> Хозяин хотел прийти к Богу сам, без церкви и клириков, то есть без всего материального»⁴⁰. Воспитанный с детства в католицизме, герой в юности «стал леваком и марксистом»⁴¹, не видя в этом большой разницы: «Переход от католика к марксисту — совсем безболезненный. Это одна и та же

37 Ibid. S. 22–23.

38 Ibid. S. 53.

39 Ibid. S. 61.

40 Ibid. S. 16.

41 Ibid. S. 20.

ментальность»⁴². К концу жизни он обрел внутреннего Бога, допуская, что «все представления о Боге — людские, антропоморфные, однако <...> его антропоморфизация не обязательно должна отдалять нас от правды»⁴³.

Говоря о своих близких, герой признается, что в самые тяжелые времена только подрастающая дочь «была тем ангелом, который поддерживал в нем жизнь, она была для него Богом и смыслом жизни»⁴⁴. И хотя семья «каждодневно приносила ему столько забот и непреодолимых трудностей»⁴⁵, самым тяжелым грехом он считал для себя уход от психически больной жены: «Если бы хозяин оставил ее, он не имел бы права молиться и просить Бога о помощи»⁴⁶.

О самоубийстве, напротив, Слобода не говорил как о грехе, рассматривая его на протяжении всей жизни (что отразилось во многих произведениях) как выбор свободной личности, оказавшейся в безвыходном положении. Мотив самоубийства представлен и в книге «Кровь», причем с разных углов зрения. В прологе — это ирония над минутной человеческой слабостью: «Еще ночью он хотел расстаться с жизнью путем самоубийства, но достаточно было удалить один несчастный зуб, и жизнь снова показалась ему лучше, чем небытие». Черный юмор звучит далее, когда хозяин выбирает для себя способ умереть: «Он продолжает фантазировать о падении с высоты, или об утоплении, или о казни. Например, он хотел бы быть расстрелянным, как солдат»⁴⁷. Однако настоящие причины его ожесточенности и тяги к смерти коренятся глубоко в психике: «Злость зародилась в нем годам к сорока, и дело было не только в алкоголе или во вступлении советских войск в шестьдесят восьмом, это была невыносимая, постоянная, назойливая мысль о том, что лучше всего было бы повеситься»⁴⁸. Но когда после первой попытки самоубийства (а их было у Слободы несколько) «врачи спрашивали у хозяина о его мотивах, он не мог ответить. Одним из псевдомотивов, которые он все-таки назвал, был страх перед старостью»⁴⁹.

42 Ibid. S. 20.

43 Ibid. S. 277.

44 Ibid. S. 13.

45 Ibid. S. 33.

46 Ibid. S. 86.

47 Ibid. S. 3.

48 Ibid. S. 13.

49 Ibid. S. 207.

В конце книги сам факт самоубийства автобиографического героя, разумеется, не показан. Он просто исчезает: «Однажды хозяин притворился мертвым. Упал на землю и так лежал. <...> Потом он отполз в конец сада и исчез навсегда. <...> Самоубийство — это одна из таких театральных сценок»⁵⁰.

Последняя главка обрывает бесконечное повествование, переходящее от одной темы к другой и от одного периода времени к другому. В рассказ вмещивается голос автора, который говорит о неполноте текста записок хозяина, ограниченных рамками жанра, «называемого в Европе романом»⁵¹. Завершается книга утверждением, словно перефразирующим слова Достоевского о борьбе Дьявола с Богом, где поле битвы — сердце человека: «Сатане не остается ничего другого, как сражаться против Бога. И утешает его только одно: это сражение будет вечным»⁵².

Три представленных романа в наибольшей степени отражают этапы жизни и душевных метаний автора-повествователя — ранняя молодость с ее вхождением в чуждую социальную среду и первыми эротическими опытами; зрелость с семейными проблемами и неудачами, психологическим кризисом; «старость» или ее ощущение в 57 лет, когда герой говорит об угасании чувств и желаний, о пустоте жизни. Их финалы — это характерная, повторяющаяся констатация поражения героя — автобиографического, второго «я» автора.

Универсальное звучание, казалось бы, частных высказываний о экзистенциальных проблемах человека, когда «общечеловеческие, метафизические проблемы раскрываются на фоне микрокосма маленького села»⁵³, психологическая убедительность, оригинальность и узнаваемость стилистики — все это делает произведения Рудольфа Слободы до сих пор востребованными у читателя; они стали частью золотого фонда современной словацкой литературы.

50 Ibid. S. 343.

51 Ibid. S. 343.

52 Ibid. S. 343.

53 *Michalik P.* O slobode a ideológii // Knižná revue. 2009/26. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/krv-rudolf-sloboda-o-slobode-ideologii> (дата обращения: 10.08.2021).

Источники и литература

Jaslovský M. Devinská Nová Ves Rudolfa Slobodu // SME Kultúra. 07.08.2010. URL: <https://kultura.sme.sk/c/5496309/devinska-nova-ves-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Kopcsay M. Rudolf Sloboda sa nebál byť úprimný // Literárne noviny. 19.04.2018. URL: <https://literarnenoviny.sk/clanky/rudolf-sloboda-sa-nebal-byt-uprimny/> (дата обращения: 10.08.2021).

Michalík P. O slobode a ideológii // Knižná revue. 2009/26. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/krv-rudolf-sloboda-o-slobode-ideologii> (дата обращения: 10.08.2021).

Prušková Z. Rudolf Sloboda. Bratislava: Kalligram, 2001. 128 s.

Sloboda R. Narcis. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1965. 300 s.

Sloboda R. Rozum. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. 264 s.

Sloboda R. Krv. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1991. 344 s.

Sloboda R. Listy a eseje. Bratislava: Kalligram, 2004. 172 s.

Taragel D. Ako vzniká hit // SME Kultúra. 01.03.2012. URL: <https://kultura.sme.sk/c/6277641/ako-vznika-hit-rozum-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

References

Jaslovský, M. “Devinská Nová Ves Rudolfa Slobodu.” *SME Kultúra*, 07 Aug. 2010, <https://kultura.sme.sk/c/5496309/devinska-nova-ves-rudolfa-slobodu.html>. Accessed 10 August 2021.

Kopcsay, M. “Rudolf Sloboda sa nebál byť úprimný.” *Literárne noviny*, 19 Apr. 2018, <https://literarnenoviny.sk/clanky/rudolf-sloboda-sa-nebal-byt-uprimny/>. Accessed 10 August 2021.

Michalík, P. “O slobode a ideológii.” *Knižná revue*, no. 26, 2009, <https://www.litcentrum.sk/recenzia/krv-rudolf-sloboda-o-slobode-ideologii>. Accessed 10 August 2021.

Prušková, Z. *Rudolf Sloboda*. Bratislava: Kalligram, 2001, 128 p.

Sloboda, R. *Narcis*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1965, 300 p.

Sloboda, R. *Rozum*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982, 264 p.

Sloboda, R. *Krv*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1991, 344 p.

Sloboda, R. *Listy a eseje*. Bratislava: Kalligram, 2004, 172 p.

Taragel, D. “Ako vzniká hit.” *SME Kultúra*, 01 March 2012, <https://kultura.sme.sk/c/6277641/ako-vznika-hit-rozum-rudolfa-slobodu.html>. Accessed 10 August 2021.

**The Slovak “Narcissus” with Croatian roots.
Rudolf Sloboda, a writer**

Lyudmila F. Shirokova

Candidate of Letters

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation

Shirokova L. F. The Slovak “Narcissus” with Croatian roots. Rudolf Sloboda, a writer // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 260–274 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.01

Received: 28.08.2021.

Abstract

Rudolf Sloboda is one of the brightest and most distinctive writers of the generation of the Slovak “sixties”. He was born and lived most of his life in the village of Devinska Nova Ves near Bratislava with a predominantly Croatian population. Sloboda is the author of dozens of works, including novels, stories, short stories, essays, poems, plays, film scripts. In his work, he was based on the original “egocentric” vision of reality and the confessional-monologue type of narration. The themes of his largely autobiographical prose and drama were complex, often painful relationships between people, crisis states of the personality — everything he faced in his own life. The main space of Sloboda’s books is his native village, with its constants and inevitable transformation. The novels of the writer, first of all — “The Narcissus” (1965), “The Reason” (1982) and “The Blood” (1991), reflect the most important stages in the life and mental wavering of the author and his hero: the early youth marked by entering into an unknown social environment and his first erotic experiences; the maturity with family problems and setbacks, psychological crisis; approaching the old age with the extinction of feelings and desires, that lead to inner emptiness. The universal sound of “private” statements about the existential problems of a person, the artistic persuasiveness, originality and recognizability of his style — all this makes the works of Rudolf Sloboda a part of the Gold Reserve of the modern Slovak literature.

Keywords

Slovak literature, novel, autobiography, hero-narrator.